

ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ КУЛЬТУРЫ: ВОЗМОЖНЫЕ ПОДХОДЫ

Фотиева Ирина Валерьевна

профессор, д-р филос. наук, доцент, ФБГОУ ВО «Алтайский государственный университет, РФ, Барнаул

PHILOSOPHICAL FOUNDATIONS OF CULTURE: POSSIBLE APPROACHES

Irina Fotieva

Professor, Doctor of Philosophy, Associate Professor, Altai State University, Russia, Barnaul

Аннотация. Статья посвящена анализу доминирующих подходов в современной культурологии. Отмечается, что остается в стороне вопрос об оценке самих культурных явлений и процессов и о выработке возможных критериев таких оценок. Показано, что подобные попытки уже не раз предпринимались в рамках философии культуры, социальной психологии, даже философской онтологии, и в них содержится целый ряд эвристических идей, позволяющих наметить пути разработки указанных критериев оценки. Подчеркивается, что дальнейшая разработка этого направления важна не только в теоретическом, но и в практическом плане.

Abstract. The article is devoted to the analysis of the dominant approaches in modern cultural studies. It is noted that in this case, as a rule, the question of assessing the cultural phenomena and processes themselves and developing possible criteria for such assessments remains aside. It is shown that such attempts have been made more than once within the framework of the philosophy of culture, social psychology, even philosophical ontology, and they contain a number of heuristic ideas that make it possible to outline ways to develop these evaluation criteria. It is emphasized that further development of this area is important not only theoretically, but also practically.

Ключевые слова: культура; философия культуры; аксиология культуры.

Keywords: culture; philosophy of culture; axiology of culture.

Как известно, сегодня существует множество определений культуры, включая предельно широкое, когда к культуре относится все, созданное человеком, в противоположность природе. Более узкое относит к культуре в первую очередь цели, ценности, смыслы, а также устойчивые культурные формы: язык, национальные традиции, виды искусства и пр. Соответственно, выделяют и различные подходы к ее анализу, опирающиеся на те или иные основания, тяготеющие к различным научным дисциплинам. Так, например, по мнению Н.В. Выжлецовой, «культура вообще и каждая конкретная культура в частности являются организованной системой ...стремящейся к установлению и поддержанию равновесия между своими отдельными подсистемами» [2, с.79]; здесь налицо системно-структурный подход. А.П. Дубинина рассматривает психоаналитические акценты в изучении культуры; в

частности, она упоминает Э. Фромма, в трудах которого особое место занимает «анализ такого феномена как “бегство от свободы”» [3, с.144]

Отметим здесь показательный момент, на который справедливо указывает В.М. Межуев: «Слово “культура»” имеет два значения — оценочное и описательное (нормативное и дескриптивное), то есть, с одной стороны, оно означает оценку с точки зрения некоторой нормы, с другой — обозначает класс элементов, существующий безотносительно к любой оценке. За этим различным словоупотреблением скрывается и разное представление о культуре... Можно ли различать людей не только по составу, фактическому наполнению их культуры, но и по уровню их культурного развития, т. е. считать одних людей более культурными, чем другие? И откуда тогда берется та норма, по которой мы судим об этом уровне, что служит критерием для его измерения?» [7, с. 6-7]. Несколько перефразируя последний вопрос, следует спросить: можно ли оценивать сами культурные явления по каким-то единым и базовым критериям, то есть отличать культуру в собственном смысле от ее имитаций?

Как легко видеть не только из вышеприведенных примеров, большая часть культурологов не отвечает на данный вопрос, так как он относится скорее к философии культуры. Что же тогда выявляет культурофилософский подход? По мнению Т.Е. Веденской, он «фокусируется прежде всего на эмпирическом характере культурологического знания, на его ценностных и познавательных аспектах, выявляет определенные предпосылки прогресса его категориального аппарата, поддерживает устойчивость интереса к его «вечным проблемам» – пониманию соотношения природы и общества» [1, с. 24]. Но и отсюда мы можем понять лишь то, что здесь выявляются «вечные проблемы», а также ценности, лежащие в основе той или иной культуры. Иными словами, снова налицо *описательный*, в широком смысле, подход. Применяем ли мы историко-генетический метод, системно-структурный или какой-либо другой, мы во всех случаях рисуем некую модель (статическую или динамическую), но не отвечаем на поставленный выше вопрос: можно ли *оценить* сами базовые идеи и формы, направления развития и трансформации той или иной культуры? И если да, то по каким критериям?

На самом деле работ, ставящих вопрос об оценке культурных явлений как таковых, достаточно много. Мы не будем останавливаться на целом направлении философско-религиозных исследований культуры (русская религиозная философия, А. Швейцер, П. Тиллих, М. Шелер и целый ряд других авторов). Но и в не-религиозных подходах попытки оценки культуры предпринимались не раз. Так, можно вспомнить работу К. Лоренца «Восемь смертных грехов цивилизованного человечества». По Лоренцу, нарушение функционирования естественно-природных механизмов, регулирующих поведение человека, является причиной глобальных кризисов, как внешних, так и внутренних. Для их преодоления необходимы четкие критерии оценки деятельности человека на планете, которые должны быть основаны на ряде биологических постулатов [5, с.3-61]. Кое-что в его рассуждениях вызывает упреки в биологизаторстве, но в целом с ним трудно не согласиться, так как искусственный разрыв между миром природы и миром человека давно уже стал предметом критики.

И не случайно в его работе биологические посылки неразрывно переплетены с моральными и психологическими. Подобный акцент на духовно-нравственных критериях был и в упомянутом выше направлении психоанализа, да и в целом, в трудах многих ведущих психологов. Так, Э. Фромм, на наш взгляд, дал если и не строго сформулированные критерии оценки человеческой культуры, то основания для их выработки (о чем не упомянула А.П. Дубинина). «Мой опыт практикующего психоаналитика, – писал Фромм, – подтверждает убеждение, что для изучения личности как в теоретическом, так и в практическом планах, необходимо рассматривать ее через призму этических проблем» [9, с. 371]. Как известно, ключевой идеей Фромма было противопоставление двух базовых установок: на обладание и бытие, которые, в свою очередь, коррелируют с моральными установками личности. Установка на бытие включает свободное и непосредственное единение с миром и другими людьми, которая только и дает духовное благополучие, чувство полноты жизни и счастье. Противоположная ведет к «моральному поражению, неврозам, глубинным личностным проблемам» [9, с. 372]. Здесь, на наш взгляд, Фромм выступает уже не как психолог и даже не как социальный философ, а как философ онтолого-аксиологического направления, причем близкий к ряду концепций, постулирующих *объективный онтологический статус ценностей*, «порядок любви», *ordo*

Представляется, что подобный подход, где в качестве исходных оснований для искомых критериев оценки культурных явлений фиксируются некие базовые и безусловные нравственно-духовные ценности, – причем, делаются вполне успешные попытки обоснования их объективности – вполне эвристичен и плодотворен. Не претендуя на завершенность выводов, предложим некоторые примеры и ходы мысли в этом направлении. Так, если мы признаем реальные законы функционирования биологического организма, то нетрудно предположить наличие *неких законов функционирования организма духовного (культурно-нравственного)*, о чем и писали упомянутые выше авторы. И для того чтобы его поддерживать здоровым — надо забыть о плюрализме и признать, что есть норма и патология, истина и ложь, прекрасное и безобразное, допустимое и недопустимое. При этом, так как четко разграничить эти полюсы часто бывает непросто, — из этого делается совершенно логически неверный вывод о том, что этого различия вообще нет или оно очень условно.

Нам уже приходилось писать о том, что с этой точки зрения можно попытаться выделить сферу подлинной культуры и деструктивной антикультуры (для полноты можно еще выделить сферу а-культуры, которая является относительно нейтральной по своим базовым мировоззренческим установкам и социально-духовным следствиям) [4, с. 69-73]. Скажем, большинство «молодежных субкультур» можно с этих позиций однозначно отнести к антикультуре. Во-первых, само по себе их формирование, как правило, движимо психологически ложными мотивами (более того, часто противоречивыми): обособиться, отгородиться от «мира взрослых» и в то же время привлечь к себе внимание; уйти от труда и борьбы реальной жизни в мир иллюзий; самоутвердиться не путем реальных достижений, а мнимыми и опасными «подвигами» и т.д. Мы здесь, конечно, смешали разные мотивы из разных «субкультур», не вдаваясь в их анализ.

Приведем еще пример, связанный уже с искусством XX века, прежде всего изобразительным, так называемым авангардом. Нам уже приходилось писать о его парадоксах, поэтому просто приведем цитату из блестящего романа «Учебник рисования» М. Кантора. Он пишет: «Авангард утверждался посредством половых отправок: интересно, что бы делал авангардист, если бы ему предложили избегать мочеполовой тематики?.. Именно непристойности выпала роль свободы... Если творческий человек не был замечен в разврате, сам собой возникал вопрос: да вполне ли он творческий, этот сухарь?.. Процесс развенчания Прекрасной Дамы и превращение ее в уличную девку — вот суть авангардного творчества, но маркиз де Сад говорит обратное: чем более ты проявишь себя животным — тем вернее станешь свободной личностью» [6, с. 155-156]. Кантор выделяет и заостряет еще ряд противоречий, но мы не будем на них останавливаться, а лишь отметим его главную мысль: в подобном «искусстве» нет ничего поистине творческого, связанного с самопреодолением творца, с выходом на новые рубежи, – это, напротив, не требующее никакого труда и усилий, и даже таланта «сползание вниз», – то есть, говоря в наших терминах, антикультура.

Кантор здесь, по сути, также объективизирует и онтологизирует ценности, выстраивая их иерархический порядок, хотя и неявно. Есть ли какие-то основания для этого? Подобные основания все более вырисовываются из меняющейся на наших глазах научной картины мира, где человек и его сознание предстают фундаментальной реальностью Вселенной, причем точно так же подчиненной неким законам, как и привычная нам природная реальность. И можно предположить, что эти «мета-законы» преломляются в нашем индивидуальном сознании как древний «треугольник «добро – истина – красота». Рамки статьи не позволяют развернуть обсуждение данной темы, поэтому в завершение зафиксируем лишь, что наше познание, как это часто бывало, делает своеобразную «петлю», а точнее, гегелевскую спираль, «отрицание отрицания», и идеи, казавшиеся не так давно имеющими лишь историко-философскую значимость, неожиданно обретают новые смыслы и подтверждаются с разных сторон.

Таким образом, можно сделать предварительный вывод: разные и часто мало связанные между собой области познания сегодня дают все больше материала для нового осмысления поставленного вопроса об оценке явлений культуры. Конечно, здесь необходимы развернутые исследования, причем междисциплинарные. Но подобная работа, на наш взгляд, актуальна не только в теоретическом, но и в практическом плане в ситуации социального, ценностного и

нравственного хаоса, фиксируемого все большим числом исследователей.

Список литературы:

1. Веденская Т.Е. (О философских проблемах научного знания в культурологии // Общество: философия, история, культура. – 2019. – № 7 (63). – С. 23-26.
2. Выжлецова, Н.В. Проблема определения предмета культурологии/ // Общество: философия, история, культура. – 2020. – № 2 (70). – С. 78-82.
3. Дубинина А.П. Психоаналитический метод в современной культурологии: неопрейдизм, постфрейдизм, постмодернистская культурология психоанализа // Гуманитарные науки в современном вузе: вчера, сегодня, завтра: материалы III-й международной научной конференции: в 2 томах. – Санкт-Петербург, 2020. – С. 140-148.
4. Иванов А.В., Фотиева И.В., Шишин М.Ю. На путях к новой цивилизации (очерки духовно-экологического мировоззрения) – Барнаул : Изд-во АлтГТУ, 2014. – 217 с.
5. Лоренц, К. Восемь смертных грехов цивилизованного человечества. // К. Лоренц. Обратная сторона зеркала, сб. – М.: Республика, 1998а. – С. 3-61.
6. Кантор М. Учебник рисования. Том 1.— М: АСТ, 2022. — 704 с.
7. Межуев В.М. Философия культуры в системе современного знания о культуре // Проблемы философии культуры. — М. : ИФРАН, 2012. – С.3-17.
8. Фромм Э. Искусство любви – Минск: Полифакт, 1990. – 77 с.
9. Фромм Э. Человек для себя– Минск: Коллегиум, 1992. – 253 с.